

ИНЖЕНЕРНЫЙ КОРПУС

ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ 1730–1762 гг.

К.В. Татарников

История инженерного корпуса как самостоятельного рода войск начинается с 1726 г. (до этого немногочисленные инженеры и минеры находились в подчинении артиллерии). По указу от 25 июля крепости, Инженерная школа, армейские и гарнизонные инженеры и минеры поступили в ведение генерал-майора от фортификации А. де Клапира де Кулона (de Collongue). Учрежденная тем же указом контора Инженерного правления 28 сентября 1728 г. была переименована в Главную (или же Генеральную) Фортификационную контору.¹

В мае 1727 г. место де Кулона занял Б.Х. Миних, пожалованный чином полного генерала и обер-директором над фортификациями всей Российской империи, с правом распоряжаться крепостями и служащими инженерного корпуса, за исключением минеров, «*мимо главной артиллерии*».² Впрочем, в апреле 1729 г. Миних сам встал во главе последней.³ Прежняя должность осталась за Минихом, а потому указом от 28 июля 1729 г. Канцелярия главной артиллерии и Главная Фортификационная контора были объединены в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, «*и куды надлежит промемории или указы, как о артиллерийских, так и о инженерных делах, отправлять из той канцелярии обще*». В начале 1736 г., в ходе реформы Военной коллегии, эта канцелярия вновь разделилась на самостоятельные Канцелярию главной артиллерии и Фортификационную контору, но всего шесть лет спустя, согласно указу от 18 февраля 1742 г., Фортификационная контора была опять соединена с Канцелярией главной артиллерии, «*понеже крепостей без артиллерии и артиллерии без крепостей содержать не можно*» (фактически это слияние произошло только в следующем году). Вернулось и прежнее название — Канцелярия главной артиллерии и фортификации.⁴ Под таким именем канцелярия просуществовала до декабря 1796 г., когда император Павел I повелел включить ее в состав Военной коллегии в качестве одного из подразделений — Артиллерийского департамента.

До конца 1750-х гг. устройство инженерных войск определял «*Анштальт*» (штат) 1728 г., согласно которому они включали:

- генералитет с их канцеляриями;
- Инженерный полк в составе восьми «*компаний*» (рот) из офицеров и кондукторов;
- инженерных служителей при крепостях (писари и мастеровые);
- Инженерную школу;
- Инженерную контору (она же — контора Инженерного правления);
- Минерную роту.

Такое деление было по сути условным — разбитые на отдельные команды инженеры, минеры и служители, иногда всего по несколько человек, несли службу в разных городах и крепостях, никогда не собираясь вместе. Однако прежде детального знакомства со штатом, следует отметить один весьма существенный момент: до середины XVIII в. понятие «инженерный корпус» не имело привычного нам сегодня значения. Тогда этими словами обозначались собственно те, кто несли инженерную службу — генералитет, чины Инженерного полка и служители при крепостях. Инженерная школа, контора Инженерного правления и Минерная рота стояли особняком. Объяснить это не сложно: минеры считались отдельной воинской специальностью, а контора и школа не входили в состав инженерного корпуса точно также, как не входили в состав полевой армии управлявшая ей Военная коллегия и готовивший для нее офицеров Кадетский корпус.

АНШТАЛЬТ ОТ 3 ИЮНЯ 1728 г.		
ИНЖЕНЕРНЫЙ КОРПУС		
генералитет		
генерал-инженер		1
при нем:	адъютант	1
	флигель-адъютант	1
	канцелярист	1
	писарь	1
генерал-майоров		2
при них:	флигель-адъютантов	2
	писарей	2
штаб-лекарь		1
денщиков		37
инженерный полк		
полковой штаб:	полковников	2
	подполковников	2
	майоров	2
	квартирмейстер	1
	полковой комиссар	1
	адъютант	1
	аудитор	1
	лекарь	1
	фискал	1
	полковой писарь	1
	комиссарский писарь	1
	цейхвартерский писарь	1
	копиистов	2
	денщиков	37
в восьми компаниях:	капитанов	8
	капитан-поручиков	8
	поручиков	8
	подпоручиков	8
	прапорщиков	8
	кондукторов	192
	писарей	8
	цирюльников	4
денщиков	64	
служители при крепостях		
писарей		80
мур- (стенных — <i>Авт.</i>) мастеров		6
кузнечных мастеров		6
дернокладчиков		40
кузнецов		40
плотников		40
ИНЖЕНЕРНАЯ ШКОЛА		
учитель инженер-капитан		1
рисовальных мастеров		2
кондукторов		2
учеников:	в чертежах и фортификации	20
	в геометрии и тригонометрии	20
	в арифметике	20
сторож		1
денщиков		5

ИНЖЕНЕРНАЯ КОНТОРА	
секретарь	1
протоколист	1
регистратор	1
канцеляристов	2
копиистов	6
сторожей	2
МИНЕРНАЯ РОТА	
капитан	1
капитан-поручик	1
поручик	1
подпоручик	2
сержантов	8
каптенармусов	2
фурьер	1
капралов	16
минеров	150
писарь	1
цирюльник	1
барабанщиков	2
профос	1
денщиков	8
извозчиков	16

Штат 1728 г., руководствоваться которым продолжали в течение почти 30 лет, помимо номинальной структуры, имел еще один весьма серьезный недостаток — предусмотренное в нем количество людей было гораздо меньшим, чем требовалось. Первые значительные пополнения произошли уже в начале 1730-х гг., а к 1749 г. «по необходимой надобности» инженерный корпус содержал более 300 человек сверх штата, добавленных частными указами в разное время.⁵ То же происходило и в дальнейшем.

Однако людей всё равно не хватало. Ведь помимо работ при крепостях и укреплениях, количество которых со времени составления штата возросло едва не вдвое (чего стоили только Царицынская и Украинская линии), инженеры участвовали в строительстве каналов, доков, гаваней, дорог, межевании земель, привлекались к участию в «разных секретных и других экспедициях» и прочих делах, вовсе посторонних фортификации. А потому, очередной раз сетовала контора в 1752 г., «иногда случается, что не токмо б из тех полевых служителей в крепости для исправления оных по надлежащему числу определять, но и для вышеписанных других дел бывает недостаточно».⁶ Но и те, что занимались своим прямым делом, «с великим недостатком и с немалою нуждою исправляются. В случае ж вышеобъявленных нужнейших командирований от крепостей всегда и почасту берутся, и за тем, по краткости бытия, не могут познать подлинного обстоятельства положений мест и работ, и во исправлении тех крепостей надлежащего старания прилагать».⁷

На увеличение численности инженерного корпуса Военная коллегия шла неохотно, стремясь не выходить за рамки положений 1728 г. Сверхштатных чинов содержали на остатки от 70.000 рублей, которые казна ежегодно отпускала на починку крепостей. «Исправляться» рекомендовалось наличными людьми и привлечением к работе инженерных учеников. Прибавка служителей допускалась за счет экономии средств от перевода части полевых вакансий на более низко оплачиваемые гарнизонные, или же при уменьшении чиновных окладов. К примеру, в 1749 г. штат увеличился на 24 прапорщика с кондукторским жалованьем.⁸

В январе 1757 г. был утвержден разработанный генерал-фельдцейхмейстером графом П.И. Шуваловым штат нового Инженерного полка, состоящего из двух минерных, двух пионерных и двух

мастеровых рот, по 250 человек рядовых в каждой. Офицерские вакансии предполагалось заполнить из числа имеющихся в наличии инженерных офицеров, в сержанты назначить кондукторов 3-го класса, в каптенармусы и фурьеры — учеников старшего 1-го класса Инженерной школы. Звание сержанта Инженерного полка приравнивалось к чину кондуктора 2-го класса, каптенармуса и фурьера — 3-го. Рядовых выбирали из солдат гарнизонных полков, знающих какое-либо мастерство, причем лучшие из них производились в капралы. Всем рядовым следовало быть «людям ремесленным, а именно: в минерной роте — весьма знающим минерную должность; в пионерских — знающим плести туры, вязать фашины, класть дерном и плакировать землю, дабы во время мирное в крепостях, а в военное при армии, как сами они делают, так и прикомандированных к ним показывать могли; в мастерских двух ротах надлежит быть всем знающим разных мастерств людям, то есть плотникам, столярам, токарям, колесникам, резчикам, кузнецам, слесарям, каменщикам, штукатурам, знающим делать и обжигать кирпич и жечь известь».⁹ Начатое уже в 1757 г. формирование полка затянулось до 1760 г.

Согласно штату, полковой штаб включал подполковника, майора, квартирмейстера, адъютанта и полкового писаря. Казначей и комиссар, «по примеру полевых полков», выбирались из числа офицеров. В состав каждой Минерной роты входили капитан, капитан-поручик, поручик, подпоручик, прапорщик, восемь сержантов, два каптенармуса, фурьер, 16 капралов, 83 старших и 167 младших минеров, писарь, два цирюльника, два барабанщика, профос, 16 извозчиков. Денщики назначались только обер-офицерам: капитану — три, капитан-поручику — два, поручику, подпоручику и прапорщику — по одному. Пионерная и мастерская роты имели точно такое же устройство, только вместо минер в них было по 250 пионеров или мастерских соответственно (на старших и младших ни те, ни другие не делились).¹⁰

По штату 1728 г. Инженерная школа в Санкт-Петербурге насчитывала 60 учеников, поделенных на три равных класса, по 20 человек в каждом; младший класс обучался арифметике, второй — геометрии и тригонометрии, третий — чертежам и фортификации. В 1730 г. Сенат дозволил взять еще 15 учеников (всего, таким образом, их стало 75 человек). Указом Военной коллегии от 23 января 1742 г. в Инженерную школу было велено определить еще до 150 дворянских детей, так как из-за малого количества выпускников оставались свободны многие кондукторские вакансии. Стольких людей одна школа не вмещала, поэтому в 1743 г. в Москве открылась еще одна, рассчитанная на 60 человек. Отныне Санкт-Петербургская школа могла содержать 165 учеников (75 прежних и 90 новых), Московская, как сказано выше, — 60. Два года спустя, в 1745 г., в Москву перевели 15 учеников из Петербургской школы. Вскоре выяснилось, что две с лишним сотни учеников — это явный перебор. Уже к 1748 г. все вакансии кондукторов были заняты, и масса учеников, лишенная дальнейших карьерных перспектив, начала «коснеть» в науках. В 1748 г. пришлось убавить 45 ученических вакансий (30 в Санкт-Петербурге, 15 в Москве), в 1750 г. — 30 (в Санкт-Петербурге), в 1752 г. — еще 30 (по пять учеников из каждого класса обеих школ). В том же 1752 г. Московская школа закрылась вовсе. Способных учеников перевели в Петербург, а остальных отправили служить в армию. Как и прежде, учеников стало 75 человек.¹¹ В 1758 г. Инженерная школа была объединена с Артиллерийской; новое учебное заведение получило название Артиллерийской и инженерной школы.¹²

До сих пор основным источником по униформе артиллерии и инженерных войск 1-й половины XVIII в. считается широко известный труд «Историческое описание одежды и вооружения российских войск...». Первое упоминание об инженерах взято составителями «Исторического описания...» из Воинского устава 1716 г. — «...инженеры имели фузею, пистолет и лядунку»; а дальше речь идет уже о реформах генерал-фельдцейхмейстера Шувалова, пришедшихся на конец 1750-х гг. — после знакомства с материалами «Полного собрания законов Российской империи» и одним подлинным рисунком было сказано о том, что обмундирование служащих Инженерного полка отличалось от артиллерий-

ского лишь цветом металлического прибора (вывод правильный, но отнюдь не исчерпывающий). Таким образом, вся история форменного костюма этого рода войск за первые 60 лет XVIII в., до начала правления Екатерины II, уместилась ровным счетом в восьми строках. Артиллерии повезло чуть больше — кроме «служилого платья» времен Северной войны и шуваловских реформ, вкратце был обрисован мундир начала 1720-х гг. и своими словами описаны рисунки к регламенту, сочиненному генерал-фельдцейхмейстером И. Гинтером в 1728 г.

Исправлять или дополнять «Историческое описание...» представляется делом бесперспективным — слишком много оказалось пропущено, да и пресловутое ПСЗ в качестве источника по изучению военного костюма XVIII в. это несерьезно. Мы, со своей стороны, хотим представить вниманию читателя картину, основанную на документах Инженерной экспедиции Военной коллегии, ныне хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (фонд № 826, описи №№ 1 и 2). Честь написания обстоятельного труда о мундире артиллеристов мы предоставляем тому, кто имеет возможность посещать архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

ОФИЦЕРЫ

На протяжении всего XVIII в., в силу своей профессиональной специфики и небольшой численности по сравнению с другими родами войск, артиллерия и инженерный корпус занимали особое положение в системе сухопутных сил Российской империи. Источники финансирования, управленческий аппарат, учебные заведения и даже некоторые чины в обоих корпусах были отличные от армейских. Вряд ли станет большим преувеличением сказать, что Военная коллегия руководила ими фактически номинально — большинство вопросов генерал-фельдцейхмейстер решал без ее участия. В полной мере это относится к обмундированию. И если нижние чины имели униформу пехотного образца, отличную от солдатской, по сути, только цветом, то строевое платье офицеров порой не сходствовало с армейским даже в покрое.

Судя по всему, первым за регламентацию внешнего вида инженерных офицеров взялся генерал-фельдцейхмейстер и обер-директор над фортификациями граф Миних. «Аккуратный регистр» (подробное описание — Авт.), сочиненный им в январе 1731 г., назначал военным инженерам такое же обмундирование, как у офицеров артиллерии, но с серебряным металлическим прибором вместо золотого (эта закономерность, а равно черный и, позднее, красный прикладные цвета, стали традиционным отличием инженерных и вообще «технических» видов войск, сохранявшимся в русской, а затем советской армиях до конца XX столетия).

«Регистр мундиру, каким образом артиллерийским и инженерным и фурманского правления штаб- и обер-офицерам определено строить, а именно:

Кафтаны — суконные алые, с отворотами, обшлага французские круглые и подбой черные бархатные. Камзолы — суконные на лосиный цвет, по борту и около подолу до боковых пол позумент золотой прорезной с горodkaми, подбой тафтяной белый. Штаны — аглинские алые суконные ж, подбой холстинный или какой другой, кто [какой] похочет. Пуговицы, как на кафтанах, так на камзолах и штанах, — медные золоченые, токмо на кафтане гнездами, по две пуговицы. А у инженерного генералитета, штаб- и обер-офицеров мундир таким же маниром, токмо пуговицы серебряные и на камзолах позумент серебряный. Нижние же обер-офицерские чины, яко же (такие как — Авт.) штык-юнкеры артиллерийские и фурманского правления, а инженерные — прапорщики и кондукторы, вместо бархату черного могут подбить кафтаны трипом черным самым добрым, а кроме кондукторов позволяется и бархатом. Штифлеты — черные крашеные, самым добрым и чистым мастерством, с пуговицами средними костяными черными. Шапы — пуховые черные, с позументом прорезным, у артиллерийских и фурманских офицеров золотым, а у инженерных серебряным. А каким быть на кафтанах и камзолах

пуговицам, при сем сообщается две пуговицы медные золоченые для образца, а у инженерных — против оных же серебряные».¹³

В начале февраля указы с приложением копий этого регистра, а также изготовленные при Санкт-Петербургском арсенале деревянные образцы кафтанных и камзольных пуговиц, были отправлены во все полевые и гарнизонные артиллерийские и инженерные команды.¹⁴

Такое обмундирование всем без исключения офицерам «неотменно» следовало «исправить» себе «к предбудущему генварю месяцу 732-го году... под опасением, ежели у кого не сделано будет, штрафа». Однако, по целому ряду объективных причин это требование оказалось невыполнимым. В дальних гарнизонах и на пограничных линиях, где несли службу многие офицеры и кондукторы инженерного корпуса, было просто-напросто нельзя достать упомянутые в регистре вещи и материалы. «...Мне и команде моей, инженерным служителям, — доносил инженер-майор И. фон Люберас в ноябре 1731 г., — к показанному термину такого мундира сделать невозможно, понеже здесь, в городе Царицыне, не токмо чтоб найти таких сукон, бархату, позумента и пуговиц, но и крашенины черной доброй на штивлеты найти невозможно, и не токмо в Царицыне, но и в Астрахане к строению одного мундира потребного многого найти невозможно».¹⁵ То же самое, почти слово в слово, написали из «казацкого городка» Черкаска и крепости Святого Креста, причем в черкасском гарнизоне, как выяснилось, нет даже знающих портное мастерство солдат.¹⁶ Кроме того, значительное число офицеров, не имея при себе нужного количества денег, стали докучать канцелярии просьбами о выдаче им жалованья прежде положенного срока, другие же вовсе едва сводили концы с концами — «не токмо сделать мундира, но и ныне едва с нуждою имеют дневную пищу, и весьма одолжали». Да и указ из столицы порой шел до адресата несколько месяцев...

Встречались, впрочем, и вполне обеспеченные офицеры — такие, у кого хватало средств не только на предписанное регламентом, но и на дополнительные украшения, например, плюмаж к шляпе. Эта «инициатива снизу» получила одобрение Миниха. «Понеже, как я мог видеть, — писал он 26 марта 1732 г., — что артиллерийские и инженерные офицеры некоторые носят на шляпах плюмажи красные и белые, того ради Канцелярии главной артиллерии и фортификации приказать те плюмажи носить всем штаб- и обер-офицерам, а именно: артиллерийским — на шляпах позумент золотой, плюмажи красные, а инженерным — позумент серебряный, а плюмаж белый, дабы была отличность».¹⁷

Также известен случай постройки мундира собственного изобретения. В мае 1732 г. находившийся в Павловске инженер-капитан И. Вестгов рапортовал Канцелярии главной артиллерии и фортификации, что у состоящего в его команде кондуктора И. Чоглокова «сделан мундир отменно против указу: кафтан с прорезными аглинскими черными бархатными обшлагами, пуговицы на кафтане с одной стороны до пояса серебряные, також де на камзоле пуговицы до пояса, без позументу». В оправдание себе Чоглоков «объявлял» капитану: «...каким манером мундиру быть у кондукторов... будет де о том определение».¹⁸

Это любопытное описание, показывающее в числе других неуставных отличий «пуговицы на кафтане с одной стороны до пояса... також де на камзоле пуговицы до пояса», позволило предположить, что Миних назначил артиллеристам и инженерам мундир такого же покроя, как у офицеров французской пехоты, характерными особенностями которого, наряду с отсутствием воротника и большими круглыми обшлагами, были узкие отвороты по всей длине бортов кафтана и пуговицы до самого низа пол, как на кафтане, так и на камзоле. Следующий документ окончательно убедил нас в правильности сделанного вывода.

«В прошлом 1735-м году марта 24-го дня, по посланным из Канцелярии главной артиллерии и фортификации ко инженерным генералитету, штаб- и обер-офицерам указам, велено, по силе присланного от господина генерала-фельдмаршала, над фортификациями обер-директора и кавалера его сиятельства графа фон Миниха предложения, чтоб инженерным офицерам строевой мундир, который ныне у них имеется, доносить. А впредь, для не толь великого убытка, иметь таким же манером, как и нынешний,

только бархатом подбивать одни отвороты, также обшлагам быть бархатным же малым разрезным, а пуговицам и отворотам быть до пояса. И во время б строя были офицеры в одинаком мундире, только нестроевым офицерам на шляпах плюмажу не иметь, чрез что б была некоторая отменность.

Да сентября 15-го дня того ж 1735-го году, по определению Канцелярии главной артиллерии и фортификации... велено... инженерного ж корпуса кондукторам мундир строить против прежнего ж, а рукава переправить и велеть сделать таким же маниром, как у инженерных обер-офицеров имеются, понеже у прежнего у кондукторов мундира обшлага с офицерскими были равные».¹⁹

Короче говоря, отвороты на кафтане, пуговицы по борту кафтана и камзола стали делать только до пояса, круглые «французские» обшлага сменились малыми разрезными, на подбой кафтанов разрешено использовать более дешевый материал, а плюмаж оставлен только строевым офицерам.

Во 2-й половине 1730-х гг., после разделения Канцелярии главной артиллерии и фортификации на самостоятельные Канцелярию главной артиллерии и Фортификационную контору, мундиры артиллеристов и инженеров начали меняться независимо друг от друга. Известно, что на кафтанах офицеров артиллерии появились воротники и расшивка золотым позументом; возможно, иной стала форма обшлагов. В марте 1741 г. тогдашний генерал-фельдцейхмейстер принц Л. Гессен-Гомбургский велел «штаб- и обер-офицерам мундир делать по старому маниру, только б лацканы были глухие и с грудью».* С возвращением инженерного корпуса под управление артиллерийского начальства, процесс пошел в обратном направлении. 14 декабря 1742 г. «от фортификации и армии господин генерал-анишеф и кавалер барон Фонлюберас приказал инженерного корпуса и Минерной роты штаб- и обер-офицерам и кондукторам у надлежащего их строевого мундиру иметь у кафтанов воротники и обшлага против артиллерийских» (до этого на строевых кафтанах инженеров и кондукторов воротников не было вовсе).²⁰

Наконец, в марте 1743 г. инженеры снова получили мундир во всё равный с артиллерийским (при изготовлении образцового рисунка понадобилось лишь заменить золотой цвет позументов на серебряный).

«Хотя по посланным из Фортификационной конторы указам инженерного корпуса у штаб- и обер-офицеров у мундиров воротники и обшлага сделаны против того, как у артиллерийских офицеров имеются, только у тех инженерных офицеров на кафтанах позументу (как у артиллерийских полевых офицеров) не имеется. А ныне инженерный корпус со артиллериею сообщен, и надлежит и мундир иметь офицерам равный. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказали:

Всем инженерного корпуса штаб- и обер-офицерам мундир от сего времени иметь нижеследующий, а именно:

1. Штаб-офицерам. Кафтаны и штаны — красного доброго сукна; обшлага небольшие разрезные внизу, воротник и на груди отвороты глухие — из доброго бархата. Петли имеют быть обшиты на бархате шелком, а на сукне — гарусом. На кафтанах по борту, обшлагам, воротнику, позади кругом прорехи и в фалдах — серебряный с городками прорезной позумент. Пуговицы серебряные. Подкладка черная, из доброго камлоту, и шелковая черная ж дозволяется.

Камзолы — из сукна на лосинный цвет, по борту позумент широкий; и кругом клапанов, как сверху, так и снизу, обложить тем же позументом, против чертежа. Пуговицы серебряные. Подкладка белая.

Шляпы с позументом [таким же], какой на кафтане, по сторонам прошиты шнурками серебряными и [с] плюмажем белым. Бант настоящий белый, пуговицы и петли серебряные. Щиблеты черные, из аглицкой кожи, с раструбы накладными. Шпаги иметь с серебряными эфесами, темляки серебряные ж.

2. Обер-офицерам. Кафтаны и штаны — красного доброго сукна; обшлага небольшие разрезные внизу, воротник и на груди отвороты глухие — из доброго бархату. Петли имеют быть обшиты на

* Очевидно, «глухими» назывались лацканы, наглухо пришитые к бортам кафтана. Словосочетание «лацканы с грудью» по-видимому обозначает то, что лацканы были широкими, закрывающими собой всю или почти всю грудью.

бархате шелком, а на сукне — гарусом. По борту, обшлагам, на воротнику и назад, а капитанам и в фалдах, — серебряный с городками прорезной позумент, а прочим, ниже капитанов, в фалдах позументу не класть. Пуговицы серебряные. Подкладка черная. Камзолы — из сукна на лосиный цвет, по борту и клапанам позумент такой же, какой на кафтане; пуговицы серебряные, подкладка белая. Шляпы с позументом таким же серебряным, плюмаж белый и притом бант настоящий белый, пуговицы и петли серебряные. Щиблеты из аглинской черной кожи, с накладными раструбами. Шпаги иметь с серебряными эфесами, темляки серебряные ж.

И о том ко инженерным командам послать указы и при них каким образом тот мундир иметь — сообщить чертежи».²¹

В мае 1747 г. по предложению генерал-фельдцейхмейстера князя Н.И. Репнина лацканы были отменены, и в таком виде униформа офицеров артиллерии и инженерного корпуса сохранялась до конца 1750-х гг.

Предложением от 14 июня 1758 г. генерал-фельдцейхмейстер граф П.И. Шувалов приказал вернуть на кафтаны офицеров лацканы и внес еще несколько менее существенных изменений. Текст этого документа, также как регламенты 1731 и 1743 гг., мы приводим полностью.

«Из взятого из оной канцелярии экстракта усмотрено мною, что по артиллерийскому и инженерному корпусам о строевом мундире от времени до времени перемены были по усмотрению и положению генералов-фельдцейхмейстеров и по них — от старших командиров. А, наконец, в 741-м году марта 2-го дня, по предложению покойного генерала-фельдцейхмейстера принца Гесен-Гомбургского, велено штаб- и обер-офицерам мундир делать по старому маниру, только б лацканы на кафтанах были глухие и с грудью, а потом, в 747-м году мая 9-го дня, по предложению покойного генерала-фельдцейхмейстера князя Репнина, те лацканы отменены, а велено иметь такого ж маниру мундиры, только без лацканов, кои и до сего в обоих помянутых корпусах содержаны были. А как неизвестно, что из обер-офицеров некоторым по недостатку иногда принуждено будет для всегдашнего употребления кафтан переверотить, в таком случае пристойнее признается быть кафтанам с лацканами, потому что у перевероченного кафтана старые петли лацканами прикрыты быть могут так, что и приметить не можно, перевероченный ли кафтан.

Того ради Канцелярии главной артиллерии и фортификации рекомендую сделать один образцовый мундир такой же, как и прежние были, у которого сделать лацканы по препорции росту, из черного бархату, такие ж, как и обшлага. А пуговицы иметь золоченые круглые, по шести или по восьми на лацкане и по три до поясу под оным; кои [пуговицы] на обшлагах и под лацканом, [те] иметь кафтаные, а на лацкане — камзольные. Также те пуговицы конечно б были, как выше сказано, круглые, а не плоские, и на лацканах петель черных шелком не прошивать, а ставить одни пуговицы гнездами. А на обшлагах, на клапанах и на фалдах ставить пуговицы против прежнего.

И с того образцового мундира учинить чертежи с подробным описанием, например, лифу камзола от пупа на сколько пальцев быть ниже, против чего какову ўже быть следует лифу кафтанному. Также о длине и ширине кафтана и камзола, разумеется, примером изъяснить следует, как то: чтоб кафтан полы имел не так широки внизу, чтоб не видна была камзольная пола, также б воротник так стройно около шеи сделан был, дабы ни мало рубашки ни сзади, ни спереди, кроме галстука, видно не было, и о прочем. И во все, как полевые, гарнизонные и фуриштатскую команду разослать.

А в фуриштате иметь такие ж с лацканами мундиры, только из красного и синего сукон, с такими ж золочеными пуговицами.

А в инженерном корпусе у штаб- и обер-офицеров такие ж, как и у артиллерийских, по вышеписанному ж маниру, [но] с белыми пуговицами. А кондукторы, чтоб с офицерами имели отмену, то им иметь кафтаны такого маниру и цвету с лацканы, только с круглыми зашивными обшлагами — так, как и у артиллерийских сержантов, и носить им равномерные со артиллерийскими тесаки, только с белым прибором. Портупеи иметь по камзолам лосиные, с серебряным позументом мушкатерским шириной в палец [для кондукторов] первого класса, а прочим такие ж портупеи без позументу. А на камзолах по-

зументу, по неприличности, всем им не иметь. И притом крепко за ними велеть наблюдать, чтоб мундиры шиты были стройно и не долги, а особливо камзолы, и шпак бы маленьких штабских не носили.

А минерным унтер-офицерам и капралам иметь мундиры с позументом на обшлагах серебряным. А артиллерийским и фуриштатским унтер-офицерам — с лацканы ж, с золотым позументом».²²

Руководствуясь этим предложением, в том же месяце Канцелярия главной артиллерии и фортификации велела «тесакам для кондукторов учинить при канцелярии в имеющейся чертежной чертеж, по которому из дерева модель сделать в здешней (Санкт-Петербургской — Авт.) крепости при инженерной команде и представить в канцелярию немедленно, а что принадлежит до чертежей о мундирах, то оные посланы быть имеют при учинении».²³

Светлые, лосиного цвета камзолы быстро загрязнялись. Не в последнюю очередь способствовал этому черный подбор кафтанов. В октябре 1758 г. Шувалов разрешил инженерным офицерам «с простыми кафтанами носить камзолы и штаны черные бархатные или из хорошого черного трипу, с белыми пуговицами по тому ж маниру, какие и у кафтанов, но с парадным мундиром оных камзолов не употреблять и ко двору Ее Императорского Величества в них, также и в парады, не ходить».²⁴

Мундирные реформы императора Петра III не затронули инженерный корпус.

Мастеровые чины в офицерских рангах одевались сходно с офицерами. Определением Канцелярии главной артиллерии и фортификации от 22 февраля 1751 г. для мастеров каменного дела и архитекторных гезелей при Санкт-Петербургской крепости, мурмейстеров и рисовальных мастеров был установлен «мундир цветом против инженерного корпуса офицеров и кондукторов, а именно: кафтаны и штаны из красного сукна, с воротниками и обшлагами у кафтанов бархатными, а с пуговицами оловянными и с подбоем черного стамеду, токмо обшлага делать против офицеров и кондукторов с отменюю, а именно, чтоб оные были против ныне имеющих на мундирах обшлагов несколько более и, сверх ординарно имеющих вверху пуговиц, иметь же внизу пуговицы, которыми те обшлага застегивать, дабы были круглые, а не распашные. Камзолы ж делать из сукна цвету лосиного, каковы обыкновенно у офицеров вседневные, також и кондукторов, имеются, с оловянными ж пуговицами, и на тех камзолах рисовальным мастерам позволить иметь серебряный позумент против инженерных офицеров, а прочим таковые камзолы иметь без позумента. Причем всем помянутым чинам шляпы с серебряным же позументом иметь».²⁵

Насколько строго в XVIII в. офицеры придерживались регламента, сказать с уверенностью нельзя. Практически все предметы одежды и снаряжения они делали за собственный счет, а потому не имели надобности отчитываться о них перед кем-либо. За исключением распоряжений официального характера и редких упоминаний, разбросанных по страницам мемуарной литературы, сведения об экипировке офицеров можно найти разве что в описях имущества умерших на службе. Содержание одной из таких описей «пожиткам», будет пересказано ниже, но сначала — несколько слов о предыстории ее появления.

21 апреля 1750 г. «от болезни волею Божиею» в Ревеле скончался инженер-капитан минерной команды И.Б. Цвингер, пасторский сын и уроженец «бранденбургской нации». Родственников покойный не имел. Жена умерла тремя днями раньше, а кроме нее из близких людей при «означенном капитане» находились лишь две девки-служительницы: одна — вольная, другая — крещеная «в немецкую веру» (очевидно, в лютеранство) турчанка Юлсин, взятая в плен под Хотинном. «Без продолжения времени» пожитки усопших были описаны, а затем, так как наследников не отыскалось, распроданы с публичного торга. Из всего многообразия носильных и бытовых вещей мы уделим внимание только офицерскому имуществу, в первую очередь — одежде.

Итак, согласно описи, в первом бауле хранились 31 поношенная мужская рубаша «верендорско-го» полотна с манжетами у рукавов, пять исподних мужских рубах из «просто-го» полотна, шесть белых камзолов «шитых... по полотну» и столько же камзолов из канифаса, 21 белый полотняный галстук, 15 пар полотняных штибель-манжет; пара нитяных, пара черных и две пары белых шелковых чулок; четыре пары полотняных штиблет с медными пуговицами, два белых спальных бумажных колпака, 14 «пестрых» бумажных карманных платков, шелковый офицерский шарф «пополам с серебром», новый серебряный темляк, две пары замшевых перчаток, две дюжины обшивок к рубашечным рукавам, две бумажки нитяных пуговиц и новая шляпа, обшитая серебряным позументом.

В числе «мундира» показаны новый красный кафтан с черным подбоем и, как это ни странно, бархатными лацканами (напомним, что лацканы были отменены в 1747 г.); белый (вместо положенного лосиного) мундирный камзол без пуговиц с серебряным позументом и новыми передними полами, старый желтый мундирный камзол с 21 серебряной пуговицей и серебряным позументом, двое желтых штанов с белым подбоем, новые красные мундирные штаны; красный ношенный сюртук подбитый синим «мохнатым» трипом, с красными пуговицами и петлями; васильковая епанча с красным подбоем; две старых шляпы: на одной присутствовал только бант, на другой — серебряный позумент и белый плюмаж.

В тот же «мундирный» раздел оказались включены две шапки из красного сукна, опушенные черной куницей; черные кафтан, камзол и штаны с черными же пуговицами, подбой кафтана черный, у камзола и штанов — белый (как видно, и в гражданском платье капитан предпочитал сочетание красного с черным); зеленого цвета шерстяной дамастный казакин с зелеными гарусными пуговицами и камзольными полами, стеганая «канаватная» душегрейка с «карпунным» подбоем и без рукавов, старый «картунный» шлафор.

Кроме того, в описи значатся две пары сапог, старое ломаное ружье со штыком, замшевый патронный подсумок; шпага с серебряными эфесом, крючком и наконечником ножен; замшевая португеза, старый серебряный темляк, жестяной ящик с шестью париками, деревянные болваны под парики (три штуки на одном древке), неполный замшевый мешок с пудрой и большое зеркало в деревянном ящике.

Лошадей у семьи Цвингеров было две: обе «малого росту» мерины со стриженными гривами и поротыми правыми ушами, один — светло-саврасый, двадцати лет от роду, второй — «рыжий, мало темно-саврасовый», восьми лет. Из упряжи в наличии имелись две седелки, две ременные узды и два хомута с малыми медными бляхами; для поездок верхом капитан содержал новое седло со старым прибором без стремян и две старых узды. Во время переезда всё семейное имущество должно было уместиться на три старых решетчатых кибитки с кожаной «закрышкою» и два старых обитых кожей фурмана с коваными колесами...

Вырученные за проданные пожитки деньги поступили в Ревельскую гарнизонную канцелярию, на счет фортификационной суммы.²⁶

Обмундирование офицеров инженерного корпуса:

Верхний ряд: офицеры 1732–1735 гг.; офицеры 1735–1742 гг.; офицеры 1742 г.

Средний ряд: обер-офицеры 1743–1747 гг.; обер-офицеры 1747–1758 гг.;

обер-офицеры 1758–1762 гг.

Нижний ряд: кондукторы 1758–1762 гг.; рисовальные мастера 1751 г.; мастера каменного дела, архитектурные гезели, мурмейстеры, 1751 г.

Илл. Андрея Стрельникова

Рисунок обмундирования офицеров инженерного корпуса («Кафтан с камзолом штаб- и обер-офицерский, кроме позументов в фалдах у поручиков и прочих»). 1743 г. 1 л. Рукопись в красках. 22 x 16 см. РГВИА. Ф.826. Оп.2 Д.41. Л.7.

Рисунок в профиль камзола штаб-офицеров инженерного корпуса («Пола штабского камзола»). 1743 г. 1 л. Рукопись в красках. 22 x 16 см. РГВИА. Ф.826. Оп.2 Д.41. Л.8.

кафта с камзолъ штабъ и оберъ офицерной
 кроме позументовъ в фалдах у поручиковъ и прочихъ

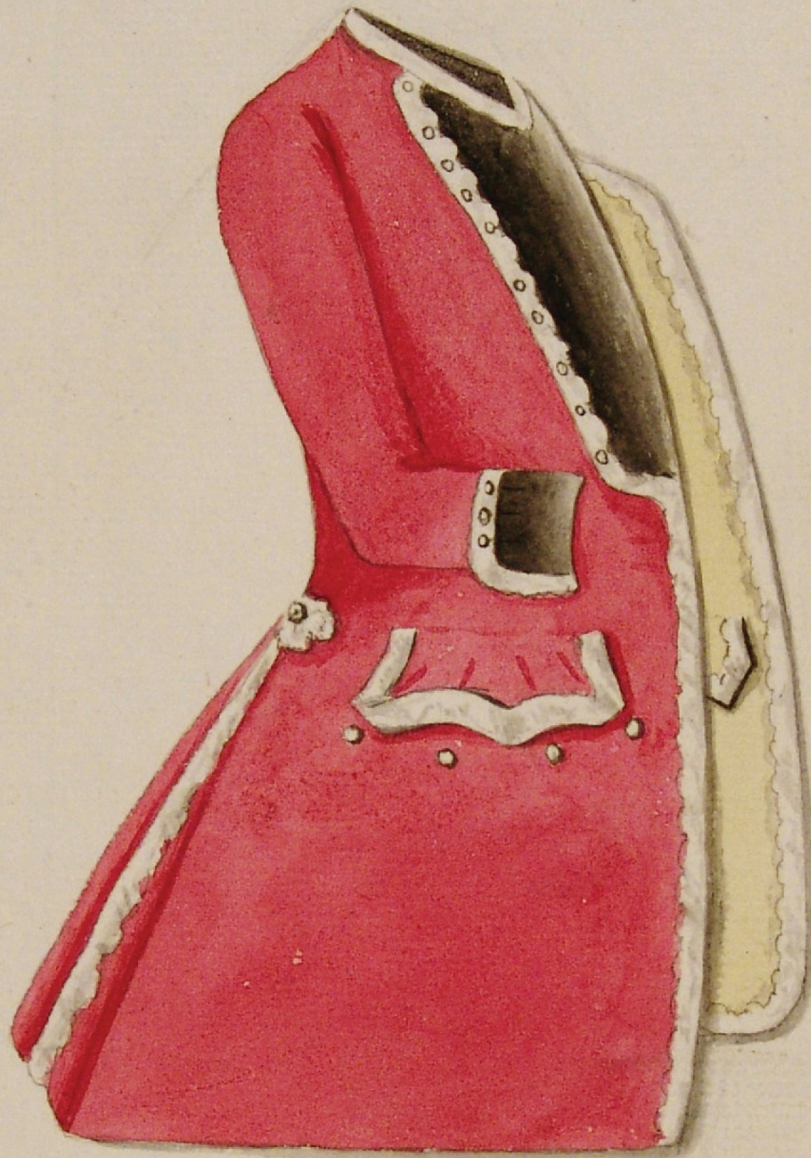

Рисунок в профиль кафтана и камзола офицеров инженерного корпуса («Кафтан с камзолом штаб- и обер-офицерский, кроме позументов в фалдах у поручиков и прочих»). 1743 г. 1 л. Рукопись в красках. 23 x 14,5 см. РГВИА. Ф.826. Оп.2 Д.41. Л.5.

Рисунок в профиль камзола штаб-офицеров инженерного корпуса («Пола штабского камзола»). 1743 г. 1 л. Рукопись в красках. 23 x 14 см. РГВИА. Ф.826. Оп.2 Д.41. Л.6.

НИЖНИЕ ЧИНЫ

К категории нижних чинов в инженерном корпусе относились:

- минеры, а с 1757 г., после формирования нового Инженерного полка, также входившие в его состав пионеры и мастеровые;
- служители при крепостях (писари и разных специальностей мастеровые);
- извозчики при Минерной роте и крепостях (мундир у тех и других был одинаковый);
- гребцы при инженерной команде Санкт-Петербургской крепости.

Обмундирование для минеров, писарей и мастеровых, за исключением расцветки и некоторых особенностей, строилось по образцу пехотного, в соответствии с положениями «*Воинского статута*» 1731 г. и практически не менялось до начала 1760-х гг.

МИНЕРЫ

Новый «*трехгодовой*» мундир — кафтан, камзол, первые штаны и первую шляпу — полевые минеры должны были получать к 1 января 1733, 1736, 1739, 1742, 1745, 1748, 1751, 1754, 1757 и 1760 гг.; вторые штаны и шляпа из этого комплекта выдавались спустя полтора года. Епанчи, имевшие четырехлетний срок службы, следовало обновлять к 1 января 1736, 1740, 1744, 1748, 1752, 1756 и 1760 гг. Сапоги отпускались ежегодно. Все остальные вещи — галстуки, рубашки, порты, чулки и прочее — минеры приобретали за собственный счет. Минерам на гарнизонном окладе полагались такие же кафтан, камзол, две пары штанов, две шляпы, одна епанча на десять человек в четыре года и по паре сапог и башмаков ежегодно.

Когда именно минерам был присвоен описанный ниже мундир, выяснить нам не удалось — самые ранние сведения о нем в делах 826-го фонда относятся к 1736 г. Про обмундирование предыдущего времени известно только, что по срокам 1722 и 1725 гг. минерам выдавались шляпы с обшивками, кафтаны, камзолы, епанчи и сапоги, а вычтенные на их постройку деньги поступали в Артиллерийскую канцелярию.²⁷

Итак, головным убором минеру служила черная шерстяная шляпа. Поднятые кверху поля с трех сторон притягивались к тулье нитяным шнуром-обдержкой, а по их краям нашивался шерстяной галун. Последнего, обычно его именовали «*обшивкой*», на каждую шляпу выходило по два аршина. С левой стороны на поле крепились оловянная пуговица и «*российский полевой знак*» — белый бант из канифасного полотна. С середины 1730-х гг. шляпы «*минерных служителей*» украшал шерстяной шнур с кистями.

«*Убор*» на шляпах почти никогда не расписывался подробно. Так, упоминания о шнурах с кистями при работе с документами встретились нам дважды — в делах за 1738 и 1746 гг.; о пуговицах к бантам — всего один раз, в книге с определениями Канцелярии главной артиллерии и фортификации за декабрь 1756 г.²⁸ Отнюдь не всегда указывается материал, из которого делались обшивка, обдержжка и бант. Объяснить это, по-видимому, можно тем, что детальные описания просто не были нужны: при заключении контракта подрядчик представлял несколько экземпляров готовой вещи, которые утверждались печатями обеих договаривающихся сторон и служили наглядным образцом во время приема всей партии товара.

На шею, поверх воротника рубашки повязывался белый холстинный галстук. Наверное, изрядно были удивлены в Фортификационной конторе летом 1741 г., когда узнали, что состоящая в Азове минерная команда капитана Бомана носит галстуки из черного флера, да еще и «*против прежнего образца*», вовсе неизвестного конторе. Конечно же, их велели заменить белыми.²⁹

Красный суконный кафтан имел воротник и обшлага, скроенные из 10 вершков черного трипа (последние, видимо, были круглые, по образцу пехотных). Полы кафтана подбивались красной ка-разеей, «*а буде оной не сыщется*» — байкой; фалды, рукава и карманы (по другим сведениям фалды

и обшлага) — красной крашениной. Камзол, штаны и епанчу также надлежало делать из красного сукна; подкладка у камзола и штанов была холстинная, у епанчи — красная каразейная или байковая. Застегивалась епанча на медные крючок и петлю, пришитые около воротника, а с 1748 г. — такой же, как на мундире кафтанной пуговицей.³⁰ В 1746 г. из-за недостатка красного сукна минерам, находящимся в Санкт-Петербурге и остзейских крепостях, было велено сделать васильковые епанчи.³¹

Ширина цветных сукон определялась в 1 аршин 14 вершков, трипа — 13 вершков, байки и каразеи — 1 аршин 3 вершка. Цифры в приведенной ниже таблице показывают количество «мундирных припасов», положенное на вещи «средней руки» — материалы отпускались в воинские части исходя именно из этих «средних» чисел, а уже на месте кафтаны, камзолы, штаны и епанчи шили по «возрасту» (мере) каждого конкретного человека, «употребляя в дело того мундира мундирных вещей не более положенного по пунктам Воинской комиссии числа».

Пуговицы у инженерных и минерных служителей были оловянные. На мундир минера их вышло 24 кафтанных и 24 меньшего размера камзольных; из числа последних 18 штук предназначалось на камзол и шесть на штаны, причем пуговицы на штанах обычно называли «штаннскими». Образцы пуговиц могли меняться каждый раз при постройке нового обмундирования. Так, к мундиру по сроку 1748 г. минерам и ученикам Инженерной школы, как и раньше, были подряжены литые пуговицы с впаянными ушками из железной проволоки (в 1730-е и 1740-е гг. предпочтение отдавали именно таким), но, в отличие от прежних, которые теперь нашли «округлостью малы и высоки», новые распустили делать «несколько побольше и плоские». Расход материалов и, соответственно, цена таких пуговиц оказались выше: старые кафтанные пуговицы весили два золотника, камзольные — полтора; новые — два с половиной и два без четверти золотника соответственно. Первые же образцы, представленные на рассмотрение канцелярии в конце 1747 г., были паяные «и к носке весьма непрочные».³² С середины 1750-х гг. подряжались оловянные пуговицы «на дереве» или же «на деревяшках» (деревянной основе), с нитяными петлями вместо проволочных ушек.³³ По условиям контрактов, олово для литья пуговиц мастерам следовало брать самое «сухое» и «чистое». Раз от раза менялась и цена пуговиц: в 1736 г. портище кафтанных пуговиц стоило 10 копеек, портище камзольных — пять; в 1747 г. — 12 и 9 копеек соответственно, в 1756 г. — 12½ и 9½ копеек у одного подрядчика и 9¼ копеек, как кафтанные, так и камзольные, у другого; в 1761 г. — по 9¼ и 7½ копеек.³⁴

Регламент в отношении нижних чинов соблюдался довольно строго. В 1754 г. растрату нескольких рублей на гарус и клеенку к пуговичным петлям для «лучшей красы и твердости», Канцелярия главной артиллерии и фортификации расценила как «весьма непорядочный» поступок, достойный «неотменного взыскания» — «ибо чтоб у мундиров гарусом и на клеенке петли обшивать, о том никакого положения и определения не имеется, и во всей армии, також во артиллерии и в прочих командах, того не чинится».³⁵

Обувью минерам служили сапоги. Башмаков и штиблет, а равно денег на их приобретение, от казны им не полагалось. В 1736 г. для минеров были куплены «телятинные» сапоги, в 1746 г. — сапоги из личной кожи, то есть сшитые наружу внешней стороной кожевенного товара.³⁶

Унтер-офицеры, капралы и писари обкладывали воротники и обшлага своих кафтанов серебряным позументом. Мундиры барабанщиков, так же как в армейских полках, украшал гарусный или шерстяной галун, покупавшийся «сколько оного на тое обшивку без излишества потребно». В 1742 г. для обшивки кафтанов и камзолов двух барабанщиков Минерной роты требовалось 50 аршин «шерстяного позумента», в 1746 г. — 40 аршин «гарусного широкого галуну... по двадцати копеек аршин (по чему и напредь сего таковой же галун покупался)». Унтер-офицеры, капралы и писари приобретали позумент за собственный счет; для барабанщиков галун покупался «из оставших от строения мундира денег».³⁷

Как уже говорилось выше, в 1757 г. по предложению генерал-фельдцейхмейстера Шувалова был образован Инженерный полк, состоящий из двух минерных, двух пионерных и двух мастеров-

вых рот. В январе 1760 г., когда пошел срок выдачи новых мундиров, Шувалов приказал: «... для минеров мундир впредь строить таковой же, какой уже и в двух артиллерийских полках — с триповыми лацканы, воротники и обшлагами — построен; что же принадлежит до пионерных и мастеровых, то для оных какой и прежде на минеров строен был — без лацканов. Впредь же какую для различия минеров с мастеровыми и пионерными в мундирах сделать отмену надобно будет, тому канцелярии его сиятельство рекомендует, сочинив рисунки, какие за благо оная канцелярия рассудит, со мнением представить его сиятельству».³⁸

Трипа на кафтан с лацканами, конечно же, стало расходоваться больше. В январе 1762 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала отпустить 34 минерам 50 аршин черного трипа; следовательно, на каждый кафтан его выходило по одному аршину семи с половиной вершков.³⁹ Сколько и какого размера пуговиц было на таком кафтане, выяснить нам не удалось. Минерная, две пионерных и одна мастеровая роты, находившиеся в заграничном походе, получили новое обмундирование уже в 1760 г.; минерная и мастеровая роты в российских крепостях оставались в своей прежней форме вплоть до середины 1761 г.⁴⁰

Как выглядели минеры во время работ, сказать трудно. Летом 1742 г., когда фельдмаршал граф П.П. Лесси предложил сделать для минерной команды в Выборге рабочие кафтаны из холста или парусины, наподобие тех, что были у солдат гарнизонных полков, Фортификационная контора отписала, что «минерным служителям показанных кафтанов по штату не положено и суммы никакой на оные в Фортификационной конторе не имеется... и оных кафтанов от Фортификационной конторы никогда не давалось».⁴¹

раскладка материалов на обмундирование полевых минеров с 1730-х гг. до 1760 г.	
шляпа (срок службы — полтора года)	
белого шерстяного галуна	– 2 аршина
белый бант из канифасного полотна	– 1 штука
оловянная пуговица	– 1 штука
нитяная обдержка	– 1 штука
шерстяной шнур с кистями (с середины 1730-х гг.)	– 1 штука
кафтан (срок службы — три года)	
красного сукна	– 3 аршина 7 вершков
черного трипа на воротник и обшлага	– 10 вершков
красной каразеи или байки	– 3 аршина 1½ вершков
красной крашенины	– 5 аршин
оловянных кафтанных пуговиц	– 2 портища (24 штуки)
камзол (срок службы — три года)	
красного сукна	– 2 аршина 4 вершка
холста	– 7 аршин 8 вершков
оловянных камзольных пуговиц	– 1½ портища (18 штук)
штаны (срок службы — полтора года)	
красного сукна	– 1 аршин
холста	– 3 аршина 4 вершка
оловянных камзольных (штаных) пуговиц	– ½ портища (6 штук)
епанча (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 4 аршина 8 вершков
красной каразеи или байки	– 2 аршина 2 вершка
медные крючок с петлей (до 1748 г.)	– 1 пара
оловянная кафтанный пуговица (с 1748 г.)	– 1 штука
обувь (срок службы — один год)	
сапоги	– 1 пара

Вооружение унтер-офицеров, капралов и рядовых Минерной роты состояло из фузеи и шпаги. Оба предмета существенно отличались от армейских образцов. Минерские фузеи имели «легкий калибр» (то есть меньшие чем у обычных солдатских ружей размер и вес), медный прибор и железные шомпола. У новых фузей, сделанных на Сестрорецких заводах к началу 1755 г. «таким же манером и величиною, каковы ныне у тех минерных служителей имеются», были станки из волнистого березового дерева, медный прибор, железные шомпола и трехгранные штыки в ножнах с железными крючками и наконечниками.⁴² Один из подрядчиков в 1756 г. предлагал изготовить к этим фузеям лосиные ремни с медными пряжками.⁴³ По числу фузей в роту отпускались ремни, отвертки для замков, пыжовники, трещотки, «малые» роговые натруски и полунагалища. В 1740-е гг., так же, как в армии, натруски выходят из употребления.

Шпаги, сделанные для Минерной роты в 1730 г. были «не такие, каковы в полках ординарные солдатские имеются, но с немалою отменною — образцом почти против офицерских». Грифы (рукояти) медных эфесов обвивались медной же проволокой; прибор на кожаных ножнах включал медные обоймицу (еще она могла называться «гайка»), крючок и наконечник. Аналогичные шпаги изготовили в 1740 г., и хотя тогда предполагалось, что в следующий раз они будут сделаны «не таким образом, каковы прежде имелись и ныне сделаны, — офицерского манеру, — но против того ж, каковы и в полках имеются», в 1753 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала изготовить на Сестрорецких заводах 157 новых шпаг «таким же манером и величиною, как и в прошлом 740-м году на оных же минерных служителей на тех заводах сделаны были».⁴⁴ В феврале 1754 г. Оружейная контора потребовала отпустить ей деньги «за сделанные вновь... для раздачи Минерной роты служителям на Сестрорецких заводах за сто за пятьдесят за семь шпаг с медными эфесы, рисовальными клинки, с ножнами кожаными, наконечниками и крючками медными».⁴⁵ Спустя пять лет, в 1759 г., минерам, а также пионерам и мастеровым Инженерного полка, было решено дать такие же как у артиллеристов тесаки с медными эфесами и медными крючками и наконечниками на кожаных ножнах. В этот раз перевооружение растянулось на довольно долгое время — отдельные партии тесаков для служащих Инженерного полка изготавливались по крайней мере до середины 1761 г.⁴⁶

Патронная лядунка с «жестянкой» для ружейного масла носилась на ремне из яловичной кожи «на лосиное дело»; металлический прибор лядуночного ремня составляли медные пряжка, запряжник и наконечник. У лядунок, сделанных в 1742 г. концы ремня «вкладывались» в кожаные «ушки», пришитые, очевидно, к ее исподней стороне. В 1756 г. минерам были подряжены «лосиные» лядунки и ремни.⁴⁷ Портупейя из яловичной кожи на лосиное дело имела медные пряжку с крючком, наконечник и петлю.⁴⁸

Рядовым минерам, кроме фузей и шпаг, по штату 1728 г. были положены 36 пар пистолетов, раздававшихся поштучно (упоминаний о таких вещах, как пистолетные полунагалища, пыжовники, трещотки, ремни etc. при работе с документами нам не встретилось). Писарь, барабанщики и цирюльник имели только шпаги и портупейи; профосу оружейных и амуничных вещей казна не отпускала вовсе. Во время похода, наряду с оружием и амуницией, рядовой минер нес на себе ранец и водоносную «флягу»; капралы получали только ранцы, а унтер-офицерам и нестроевым ни ранцев, ни фляг не полагалось.

Помимо названного выше, в Минерной роте следовало иметь две каптенармусские сумы, фурьерский значок, два медных барабана с «уборами» и чехлами, а также 42 равендучных палатки для рядовых и капралов (одна на трех человек). Подробностей о внешнем виде этих вещей сохранилось довольно мало. В 1746 г. на изготовление фурьерского значка Канцелярия главной артиллерии и фортификации велела взять пол аршина «голландского сурового полотна шириною в один аршин с половиною» и имеющиеся при Санкт-Петербургской крепости наличные краски, «только на оном значке герба не рисовать, а написать только «Минерной роты»».⁴⁹ Барабаны были медные — видимо, точно такие же, как в пехотных полках; чехлы к ним делались «из оставшего... от строения минерным служителям мундира сукна и прочих припасов».⁵⁰

Столь же отрывочны сведения о подъемной части. В январе 1742 г. для половины Минерной роты требовалось «приторговать» два фурмана, шесть телег, по восемь хомутов, узд, недоуздров, попон с подвязками и седелок, а также четыре скребницы для чистки лошадей.⁵¹ Последних по штатам 1728 и 1757 гг. в роте было всего 16.

Нижние чины пионерных и мастеровых рот Инженерного полка согласно штату получали такой же набор оружейных и амуниционных вещей, как у минеров, исключая пистолеты (последних минерам теперь было положено 50 пар на 250 человек). Кроме того, на каждую роту приходилось по пять ружейных пирамид.

ПИСАРИ И МАСТЕРОВЫЕ ПРИ КРЕПОСТЯХ

Долгое время писари и мастеровые инженерного корпуса одевались кто во что горазд — «мундиру никто не имеют и ходят в разном платье, многие в серых мужичьих кафтанах и в шубах, и носят лапти, и никак их в том, что они обретаются в службе Ее Императорского Величества, признать невозможно».⁵²

В 1737 г. Миних положил конец этой вольнице, повелев «инженерного корпуса от компаний (рот Инженерного полка — Авт.) и от крепостей и Санкт-Петербургской крепости писарям, мастеровым и прочим служителям мундир иметь по представлению Фортификационной конторы, из вычетных из их жалованья денег, а именно: от компаний писарям и цирюльникам — в три года шляп по две, да по епанче сукна красного с красною ж каразейною подкладкою, да по кафтану из красных же сукон, с черными триповыми разрезными обшлагами (в том числе писарям как в артиллерии делается — с одним позументом на тех обшлагах серебряным узким), да по камзолу с холстинною подкладкою и по штанам лосиным сибирского дела, понеже оные в носке суконных крепче и вычетных у тех служителей в мундир денег будет достаточно, да по одной паре сапогов и башмаков в год; а писарям же комиссарскому, от крепостей, и дернокладчикам, кузнецам и плотникам — в четыре года шляп по две, да по тому ж из красных сукон по кафтану, по камзолу и по штанам, по паре сапогов и башмаков в год; крепости Санкт-Петербургской показанным мастеровым и прочим служителям, кроме квартирмейстера и матросов, — в четыре ж года по карпузу красному с опушкою черного сукна, по кафтану, по камзолу, по штанам и, в каждый год, по одной паре сапогов и башмаков; а пуговицы всем на карпузах и кафтанах и камзолах и штанах класть белые оловянные, в том числе писарям от крепостей кафтаны во всё против писарей компаных, а квартирмейстеру и матросам весь мундир делая, давать против матросов, обретающихся во флоте».⁵³

Впервые такой мундир был построен и выдан по сроку с 1 января 1740 г., а затем обновлялся каждые четыре года — в 1744, 1748, 1752, 1756 и 1760 гг. Про обмундирование каждой категории нижних чинов можно добавить еще ряд подробностей.

Итак, начиная с 1740 г. писари и цирюльники Инженерного полка, а также писари, состоявшие при крепостях и в Инженерном комиссарстве, носили шляпы с белыми бантами и обшивкой; красные суконные кафтаны с подбоем из красной же каразеи или байки, черными триповыми воротниками и небольшими разрезными обшлагами (при отсутствии трипа могли использовать черное сукно); красного сукна камзолы на холстинной подкладке, лосиные «сибирского дела» или замшевые штаны, сапоги и башмаки; на воротники и обшлага писарских кафтанов в один ряд нашивался узкий серебряный позумент. Кроме того, писарям и цирюльникам Инженерного полка были даны такие же, как у минеров епанчи (полностью раскладка материалов приведена в таблицах).

Мастеровые при крепостях — дернокладчики, кузнецы и плотники — получали шляпы с бантами и обшивкой, красные кафтаны с красной подкладкой, черными суконными воротниками и такого же покроя как у гарнизонных солдат круглыми обшлагами, красные подшитые холстом камзолы, лосиные или замшевые штаны, сапоги и башмаки.

Мастеровые Санкт-Петербургской крепости — живописный ученик, слесари, их ученики, десятник кузнечного дела, кузнецы, их ученики, медник, резчики по дереву и камню, квадраторы, сто-

ляры, токарь, его ученик, командор и десятники каменного дела, кружальщик, каменщики, каменоломщики, паяльщики, ученик оконничного дела, конопатчик, прядильщик — одевались так же, только взамен шляп им были присвоены красные суконные карпузы с черной опушкой. Писари при Санкт-Петербургской крепости носили одинаковые с мастеровыми карпузы и такие же как у прочих писарей кафтаны с черными триповыми воротниками и разрезными обшлагами, обшитыми серебряным позументом. Делались такие карпузы всего два раза — в 1740 и 1744 гг. В августе 1746 г. писарям вместо них было велено «отныне иметь против артиллерийских писарей шляпы, которые давать им в два года... А помянутой же крепости подмастерьям и десятникам с построенным ныне мундиром до будущего 748-го году иметь карпузы, понеже на дело их все вещи уже куплены. А впредь, при строении нового мундира, как оным подмастерьям и десятникам, так и всем мастеровым, иметь шляпы, которые и заготавливать, а карпузов уже не делать».⁵⁴ Видимо, с того же 1748 г. вместо одних лосиных или замшевых штанов на тот же четырехлетний «термин» (время — Авт.) отпускалось по две пары штанов из красного сукна. Шляпы к новому мундиру по сроку 1752 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала купить «без обшивки и бантов, токмо с обдержкою нитяною».⁵⁵

Раскладка материалов на обмундирование инженерных служителей при крепостях в 1740-е гг.	
шляпа (срок службы — два года)	
белого шерстяного галуна	– 2 аршина
белый бант из канифасного полотна	– 1 штука
нитяная обдержка	– 1 штука
кафтан (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 3 аршина 7 вершков
писарям и цирюльникам — черного трипа на воротник и разрезные обшлага	– 6 вершков
мастеровым — черного сукна на воротник и круглые обшлага	– 5 вершков
красной каразеи или байки на подкладку	– 3 аршина 8 вершков
красной крашенины в фалды и под обшлага	– 2 аршина 8 вершков
холста в рукава и карманы	– 2 аршина 8 вершков
оловянных кафтанных пуговиц	– 2 портища (24 штуки)
камзол (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 2 аршина 4 вершка
холста	– 7 аршин 8 вершков
оловянных камзольных пуговиц	– 1½ портища (18 штук)
штаны (срок службы — четыре года)	
лосиные «сибирского дела» или замшевые козлиные	– 1 пара
обувь (срок службы — один год)	
башмаки	– 1 пара
сапоги	– 1 пара

Раскладка материалов на обмундирование мастеровых чинов Санкт-Петербургской крепости в 1740-е гг.	
карпуз (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 8 вершков
черного сукна на опушку	– 4 вершка
красной крашенины	– 1 аршин
оловянных пуговиц	– 5 штук
старая шляпа на подкладку тульи	– 1 штука
кафтан (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 3 аршина 7 вершков

писарям — черного трипа на воротник и разрезные обшлага	– 6 вершков
мастеровым — черного сукна на воротник и круглые обшлага	– 5 вершков
красной каразеи или байки на подкладку	– 3 аршина 1½ вершков
красной крашенины в фалды, рукава и карманы	– 5 аршин
оловянных кафтанных пуговиц	– 1½ портища (18 штук)
камзол (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 2 аршина 4 вершка
холста	– 7 аршин 8 вершков
оловянных камзольных пуговиц	– 1½ портища (18 штук)
штаны (срок службы — четыре года)	
лосиные «сибирского дела» или замшевые козлиные	– 1 пара
обувь (срок службы — один год)	
башмаки	– 1 пара
сапоги	– 1 пара

К концу 1750-х гг. вещи и материалы на постройку обмундирования писарей и мастеровых (в том числе Санкт-Петербургской крепости) стали выдаваться в том же количестве, как для минеров. Отличий было всего несколько:

- шляпа с белой шерстяной обшивкой и бантом не имела шнура;
- на воротник и круглые обшлага к кафтану мастерового отпускалось пять вершков черного сукна, на воротник и разрезные обшлага писаря — шесть вершков черного трипа (позумент покупался на собственные деньги);
- пуговиц на кафтаны тех и других выходило по полтора портища (18 штук);
- обуви, как и прежде, были башмаки и сапоги.⁵⁶

Помимо инженерных служителей, при Санкт-Петербургской крепости состояло 75 солдат «с мастерством», носивших обычные мундиры, положенные нижним чинам остзейских гарнизонных полков — шляпы, зеленые кафтаны с красным прикладом и медными пуговицами, красные суконные камзолы и кожаные штаны замшевой выделки. В 1760 г. вместо этих солдат было велено содержать «особую роту» в 260 человек нижних чинов, «и чтоб оным мундир против ныне состоящего солдатского иметь с отменой, то есть против Инженерного полку, почему на оных солдат и мундирных вещей заготовить ныне надлежит уже на предписанное число — на двести на шестьдесят человек, из красных, а не из зеленых сукон».⁵⁷

Последним нововведением в сфере устройства и обмундирования инженерного корпуса при Елизавете Петровне стал датированный 1760 г. «штат при фортификации разных художеств мастеровых». В этом штате значились: 1 живописец, 2 живописных ученика, 6 малярных учеников, 2 машинных мастера, 2 подмастерья, 4 ученика, 6 мастеров каменного дела, 6 подмастерьев, 12 учеников, 6 резчиков каменного дела, 6 резчичьих учеников, 1 мастер кирпичного и черепичного дела, 2 подмастерья, 3 ученика, 1 известной мастер, 2 подмастерья, 3 ученика, 230 каменщиков, 50 каменотесов, 11 печников, 6 штукатуров, 6 кузнечных мастеров, 6 подмастерьев, 150 кузнецов, 18 учеников, 2 медника, 2 ученика, 16 слесарей, 8 слесарных учеников, 6 паяльчиков, 6 учеников, 1 мастер столярного и резного дела, 2 подмастерьев, 6 учеников, 34 столяра, 15 резчиков деревянного дела, 2 токарных подмастерья, 15 токарей, 5 учеников, 10 плотничных мастеров, 20 подмастерьев, 150 плотников, 50 дернокладчиков, 100 пионерских сержантов, 1.200 пионеров, а также 1 квартирмейстер, 6 матросов и 2 конопатчика «для судов».⁵⁸

«...Мундир иметь мастерам и живописцу собственные — красные кафтаны, а камзолы и штаны синего сукна, и на всём мундире пуговицы белые, шляпы с серебряным гладким позументом.

Подмастерьям и дернокладчикам мундир иметь казенный, в три года, — кафтан красного сукна с синим стамедным подбоем, обшлага и воротники синие суконные, камзол и штаны синего сукна с подбоем холстинным белым, пуговицы на всём мундире белые, шляпы с серебряным гладким позументом. И на

все вышеписанные вещи определяется сумма по 12 ру[блев], а на год на каждого человека по 4 ру[бли], а всем 94-м человекам — 376 ру[блев].

Прочим всем при фортификации мастеровым мундир иметь казенный, в три года, — кафтан красного сукна с подбоем синюю каразею, обшлага и воротники синего сукна, камзолы и штаны синего ж сукна с подкладкою белою холстинною, пуговицы на всём мундире белые, шляпы с белым шерстяным галуном. И на все вышеписанные вещи определяется сумма на каждого по 2 ру[бли], в год, а всем 878-ми человекам — 1.756 ру[блев]...

Сверх вышеписанного числа, пионерским сержантам, пионерам и дернокладчикам иметь казенные шапки в 15 лет, каждая по 1 ру[блю] 50 ко[пеек], итого... портупей в 8-м лет, по 32 ко[пейки], итого... Также всем живописцу, мастерам и подмастерьям шапки иметь собственные, а прочим мастеровым шапок не иметь.

Пионерским сержантам иметь мундир противу минерных каптенармусов, а пионерам — противу минеров, казенный».⁵⁹

Извозчики

Отдельной категорией нижних чинов инженерного корпуса были извозчики (они же — погонщики, фурлейты), состоявшие при Минерной роте и крепостях «у присмотру фортификационных лошадей».

До середины 1740-х гг. головным убором извозчику служил серый сермяжный карпуз с полями-отворотами из василькового или синего сукна; кроме основных материалов, на каждый карпуз отпускалось пять оловянных камзольных пуговиц и четыре аршина белого шерстяного шнура «на расшивку». Сермяжный кафтан имел синюю крашенную подкладку в карманах и фалдах, васильковые или синие суконные воротник и обшлага. Камзол и штаны из белой суровой коломенки подшивались холстом. Оловянные литые пуговицы с железными ушками, 24 кафтанных и 18 камзольных, крепились к одежде при помощи кожаных ремней. Обувью извозчика были сапоги.

В марте 1745 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации назначила фурлейтам обмундирование не в пример добротней прежнего: «в три года — по сертуку и по карпузу из василькового сукна с красными обшлагами, да камзолов и штанов каламенковых по двоим, с пуговицами оловянными».⁶⁰ Васильковый карпуз с красными полями расшивался белым шерстяным шнуром; подкладкой такому карпузу служил красный коровий войлок, на каждый карпуз его выходило 1/13 доля «из целой полсти». Василькового сукна сюртук или, как его называли обычно, кафтан, имевший красные воротник и обшлага, подшивался синей крашениной и холстом. Камзол и штаны как прежде делали из каламенкового полотна, с холстинной подкладкой. На кафтан отпускалось 18 кафтанных пуговиц; на карпуз, две пары камзолов и штанов — 57 камзольных.

раскладка материалов на обмундирование извозчиков с 1730-х гг. по 1745 г.	
на три года	
серого сермяжного сукна на кафтан и карпуз	– 10 аршин
василькового (синего) сукна на поля карпуза, воротник и обшлага кафтана	– 1 аршин
синей крашенины в фалды и карманы кафтана	– 2 аршина 8 вершков
оловянных кафтанных пуговиц на кафтан	– 2 портища (24 штуки)
оловянных камзольных пуговиц на карпуз	– 5 штук
оловянных камзольных пуговиц на камзол	– 1½ портища (18 штук)

⁶⁰ Из позднейших документов известен размер полсти. В 1778 г. на постройку обмундирования артиллерийским и фурштатским служителям 2-го канонирского полка среди прочих материалов было куплено «войлока коровья из целой полсти длиною по 2½ аршина, шириною по 1½ аршину, на каждого человека по 1/13 доле». РГВИА. Ф.117. Оп.1. Д.114. Л.414.

ремней на «посадку» (крепление) пуговиц	– 1 штука
белого шерстяного шнура на обшивку карпуза	– 4 аршина
на полтора года	
белой суровой каламенки на камзол	– 4 аршина
холста на подкладку камзола	– 8 аршин
белой суровой каламенки на штаны	– 2 аршина
холста на подкладку штанов	– 4 аршина
на один год	
сапоги	– 1 пара
раскладка материалов на обмундирование извозчиков с 1745 г. по 1762 г.	
на три года	
василькового (синего) сукна на кафтан и карпуз	– 3 аршина 7 вершков
красного сукна на поля карпуза, воротник и обшлага кафтана	– 7 ¹ / ₁₆ вершка
синей крашенины на подкладку кафтана	– 5 аршин
холста на подкладку кафтана	– 5 аршин
суровой каламенки на двое камзолов и штанов	– 12 аршин
холста на подкладку двух камзолов и штанов	– 21 аршин
оловянных кафтанных пуговиц	– 1½ портища (18 штук)
оловянных камзольных пуговиц на карпуз, двое камзолов и штанов	– 4¾ портища (57 штук)
ремней на посадку пуговиц (один ремень на 16 пуговиц)	– 3½ штуки
белого шерстяного шнура на обшивку карпуза	– 3 аршина 8 вершков
войлок из красной коровьей шерсти на подкладку карпуза	– 1/13 доля полсти
на один год	
сапоги	– 1 пара

ГРЕБЦЫ

С 1736 г. при инженерной команде Санкт-Петербургской крепости состояла восьмивесельная шлюпка, употреблявшаяся «к развезду для смотрения над работами Санкт-Петербургской и Шлиссельбургской крепостей». Позднее эта шлюпка была «определена» к чертежной генерал-фельдцейхмейстера Шувалова; кроме того, ее могли использовать «для перевозу знатных, а особливо иностранных людей».

Находившиеся при ней матросы и квартирмейстер носили обыкновенное матросское платье. В 1740 г., когда подошел срок менять его, Фортификационная контора приказала: «Обретающимся при Санкт-Петербургской крепости квартирмейстеру и матросам, всего семи человекам, надлежащий мундир, против обретающихся во флоте квартирмейстеров и матросов, а именно на нынешний 740-й годоводой один, да на оный же 740-й и на предбудущие 741-й и 742-й годы трехгодовой один же мундир, сделать на вычетные у них в мундир деньги. И к делу того мундира нижепоказанные припасы, а именно ж: пестряди на рубахи, порты и галстуки — семьдесят семь аршин четырнадцать вершков; холста белого на рубахи — сорок аршин четыре вершка, на порты — двадцать два аршина двенадцать вершков; чулков серых — четырнадцать пар, башмаков — семь пар, сапогов — семь же пар, тuku шириною в аршин — двадцать два аршина пять вершков, холста подкладочного шириною в десять вершков — пятьдесят аршин шесть вершков, пуговиц костяных белых камзольных — сто двадцать шесть, на кафтаны и штаны — восемьдесят восемь, медных кафтанных — семнадцать, камзольных — две, шляп матросских вязаных — семь, василькового сукна шириною в аршин в четырнадцать вершков — четыре аршина два вершка, канифасу шириною в аршин — пятьдесят девять аршин двадцать семь вершков, сукна сермяжного шириною в одиннадцать вершков — восемьдесят четыре аршина, приторговать от Инженерного комиссарства прапорщику Павлу Зеленому обще с инженер-капитаном-поручиком Хвостовым при фискале Муравьеве, настоящими ценами, без передачи и не свыше положенных в Адмиралтейской коллегии по штату цен, ежели меньше оных не сыщется».⁶¹

Позднее вместо матросов к шлюпке приставили то же число людей из мастеровых Санкт-Петербургской крепости, получавших особый «*гребецкий мундир*». Зимой, когда «*езды*» на шлюпке не было, мастеровые возвращались к своим основным обязанностям, а мундир у них отбирался до следующего лета. Во время приемки мундир осматривался, и если бывал найден «*в нечистоте*» или попорченным, его владелец не только получал наказание за «*небрежение*» казенного имущества, но и чинил «*изодранное*» за собственный счет.⁶² Известно, что новые гребецкие мундиры строились в 1745, 1748, 1755, 1758 и 1761 гг. Определенного срока службы они не имели, но должны были использоваться не меньше трех лет и до истечения этого времени ни под каким видом замене не подлежали — «*через вышеписанное краткое время... в худобу прийти не можно, ибо солдатский мундир чрез три и четыре года переменяется, а в носке бывает непрерывно летом и зимою, и разве показанный гребецкий мундир в худобу пришел от небрежения тех гребцов и от неимения над ними смотрения*».⁶³

Мундир гребца состоял всего из двух предметов — карпуза и кафтана. Тот и другой были красные суконные, расшитые белой тесьмой. На околыш карпуза, воротник и обшлага кафтана отпускала черный трип. Кроме того, карпуз украшал «*герб*» из полуженной жести. Все остальные вещи — галстуки, штаны, обувь — определенные «*в гребцы*» мастеровые брали от своего обыкновенного «*указного*» мундира.

Известна только одна полная раскладка материалов на изготовление гребецких вещей. В августе 1748 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации велела построить квартирмейстеру и восьми гребцам «*вместо имеющегося ныне ветхого*» такой же мундир, каков был прежний. Согласно предварительному исчислению, на каждый новый комплект требовалось 3 аршина 10 вершков красного сукна, 3 аршина 8 вершков красной каразеи, 5 аршин 12 вершков красной крашенины, один аршин черного трипа, два портища пуговиц (каких именно — не указано) и 7 аршин 12 вершков белой тесьмы.⁶⁴

О мундирах, делавшихся позднее, ничего конкретного сказать нельзя. Как и прежде, для пошива кафтанов и карпузов отпускали красное сукно, черный трип и белую тесьму; на мундиры образца 1758 г. последней считалось примерно по девяти аршин. В мае 1759 г. для гребцов было приказано сделать красные галстуки «*из имеющихся в крепости при инженерной команде старых флагов*».⁶⁵

Помимо восьмивесельной шлюпки, в конце 1740-х гг. при Санкт-Петербургской крепости числился еще четырехвесельный рабит с четырьмя гребцами и квартирмейстером, получавшими черный трип на опушку карпузов, воротники и обшлага кафтанов.⁶⁶ К началу 1760-х гг. этот рабит заменили на четырехвесельный же елбот, гребцам которого выдавался старый «*исправленный починкою*» мундир, отобранный у гребцов восьмивесельной шлюпки.⁶⁷

ПЛЕННЫЕ И КАТОРЖАНЕ

Тяжелую и грязную фортификационную работу выполняли каторжники. После походов в Крым к ним присоединились взятые в плен турки и татары. В октябре 1739 г. при Риге, Ревеле и Нарве «*кроме офицеров, старшин, женского полу и малых ребят*» их было 1.059 человек.

С приближением зимы, «*чтоб те пленные в нынешнее студеное время в одежде нужды не имели*», Фортификационной контора приказала сделать им такие же как у каторжан «*рабочий мундир и обувь, а именно: кафтаны, карпузы и штаны — из сермяжных сукон, рубахи с порты, да по паре кóтов с чулками и рукавицы с вареги... и быть при них тому мундиру до износу*». По предварительному «*исчислению*», на каждого человека требовалось: «*сукна сермяжного шириною в одиннадцать вершков на кафтаны, на каждый по девяти аршин, на штаны по три с половиною аршина, на карпузы и с опушкой по одному с половиною аршину, итого на кафтаны и штаны и карпузы потребно сукна серого на каждого человека по четырнадцати аршин, а на всех — четырнадцать тысяч восемьсот двадцать шесть аршин; да котов, чулков, голиц, варег, — каждого звания по тысяче по пятидесят по девяти; холста подкладочного на рубахи каждому по двенадцати аршин, а на всех — двенадцать тысяч семьсот восемь аршин; хрящу*

на порты каждому по восьми аршин, а на всех — восемь тысяч четыреста семьдесят три аршина».⁶⁸ Добавим, что подкладочный холст для рубах был куплен белый, а сермяжное сукно — белого, серого или смурого цветов, шириной от девяти до 10 вершков, причем по сортам оно различалось на «кафтанное» (видимо, чуть более грубое) и «карпузное и штанное».⁶⁹

Износить этой одежды пленные не успели. В начале 1740 г. Россия и Порта замирились, невольников-мусульман уволили «от всяких работ» и, не упуская времени, по первому зимнему пути, «с пристойным конвоем препровождая от места до места», отправили в Киев, «для возвращения в их отечество», снабдив на дорогу деньгами и провиантом.⁷⁰ Выданные бывшим каторжанам платье и обувь, вопреки чаяниям Фортификационной конторы, Военная коллегия велела «не отбирать и при отправлении их тот мундир отпустить с ними».⁷¹

Существовавшие в конце 1730-х гг. нормы довольствия каторжан мало изменились и в дальнейшем. Так, в октябре 1753 г. осужденному на год каторжных работ извозчику Кабардинского пехотного полка В. Бухареву было приказано выдать: «муки — три четверти, круп — один четверик с половиною, соли — двадцать четыре фунта; холста: на рубахи из подкладочного — двенадцать аршин, на порты из хрящевого — восемь аршин; голиц — две пары, варег — одну пару, упоков — три пары; да вместо положенного числа на кафтан и штаны сукна сермяжного четырнадцати с половиною аршин да в три года шубы бараньей по расчислению произвести же деньгами, по прошествии того годичного времени, из фортификационной суммы».⁷²

В заключение этого раздела не будет лишним сказать, что голицами в XVIII и XIX вв. назывались кожаные рукавицы, надевавшиеся поверх связанных из шерсти «однопалых» варег. Слово «упоки» или «упаки», согласно словарю В. Даля, обозначало «мужичьи сапоги с грубыми сыромятными голенищами, иногда в роде грубых котов». Бахилами, как свидетельствует изданный в конце царствования Екатерины II «Словарь Академии Российской», именовался «род крестьянской обуви, делаемой наподобие котов, но передки у них бывают короче, и подвязываются ремнями как лапти», а котами — «род крестьянской обуви, подобной бахилам, но передки у них бывают выше, и стягиваются ремнями».

ИНЖЕНЕРНЫЕ УЧЕНИКИ

В январе 1733 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации назначила ученикам всех трех классов Инженерной школы следующее обмундирование:

«Кафтаны и камзолы красные, под кафтанами подкладка стамеду красного ж; рукава разрезные, с обшлагами малыми по прусскому манеру, из черного хорошего тонкого сукна. Штаны — красные, по манеру аглинскому. Под камзолами подкладка красной крашенины, а под штанами — холстиною посредственная. Пуговицы — белые, у кафтанов и камзолов до пояса, також и на штанах, из чистого олова. Шляпы — небольшие черные, на прусский манер, с узким серебряным гладким позументом. И на дело оного мундира вычитать у них из жалованья, у каждого человека в каждый месяц, по тридцати по три копейки».⁷³

Впервые такой мундир был построен и выдан по сроку с 1 января 1737 г., когда из жалованья учеников удалось вычесть всю необходимую «на дело того мундира» сумму денег. Следующий комплект вещей изготовили к 1 января 1741 г. и, так как он оказался на порядок дешевле прежнего, в дальнейшем мундир инженерных учеников стали обновлять каждые три года — в 1744, 1747, 1750, 1753, 1756, 1759 и 1762 гг. Перечень и количество материалов, положенных на одного ученика, показаны в таблице.

раскладка материалов на обмундирование инженерных учеников в 1730-е и 1740-е гг.	
шляпа	– 1 штука
гладкого серебряного позумента на обшивку шляпы	– 5 золотников
красного сукна на кафтан, камзол и штаны	– 6 аршин 8 вершков
черного трипа на воротник и обшлага кафтана	– 6 вершков

красного стамеда на подкладку кафтана	– 4 аршина
красной крашенины	– 7 аршин 8 вершков
холста	– 5 аршин
оловянных кафтанных пуговиц	– 3 портища (36 штук)
оловянных камзольных пуговиц	– 3 портища (36 штук)
красного гаруса на обметку пуговичных петель	– 6 золотников
черной клеенки	– 3 аршина
белого крученого холста на штиблеты	– 1 аршин 8 вершков
простого холста на подкладку штиблет	– 1 аршин 8 вершков
медных (с 1741 г. оловянных) штиблетных пуговиц	– 3 портища (36 штук)
тупоносые башмаки	– 1 пара

Приведенные выше описание и таблицу можно дополнить еще рядом подробностей. Сукно на постройку обмундирования приобреталось английское или голландское, лучшего качества, чем для армейских полков; стамед мог быть двойной или «одинакий», а воротники и «разрезные» обшлага к кафтану всегда делались из черного трипа. Серебряный позумент для обшивки шляп покупался на вес, причем если масса позумента, отпускаемого на человека со временем менялась (в 1749 г. она составляла шесть золотников, в 1755 г. — семь с половиной), то «мера», равная двум аршинам была величиной постоянной. Пуговицы до середины 1750-х гг. подражались литые, с железными ушками, затем — «оловянные на дереве». На штиблетах образца 1737 г. пуговицы были медные, а уже со следующего раза — оловянные, как на мундирных вещах, но еще меньшего размера, чем камзольные (к примеру, в 1746 г. дюжина кафтанных пуговиц стоила 11 копеек, камзольных — восемь, штиблетных — пять).⁷⁴ Как именно на одном мундире располагалось шесть портищ кафтанных и камзольных пуговиц, сказать мы не можем.

В 1750-е гг. для изготовления ученических мундиров приобретали те же самые вещи и материалы, что в 1730-е и 1740-е гг., но вычислить их точное количество на один форменный комплект нельзя — каждый раз они покупаются «за исключением наличных, оставших от прежнего заготовления». Существенных перемен, похоже, не было. Замена подкладки в камзолах — красной крашенины на такой же, как у штиблет «простой» холст — стала, кажется, единственным нововведением. Шить форменные вещи следовало «по возрасту» (росту — Авт.) учеников, «употребляя сукна и приклад по надлежащему числу, без излишества». Деньги «на заплату за шитье, також на покупку воску, игол и ниток» отпускались «по положенной по пунктам Воинской комиссии цене» — 14 копеек на каждый мундир.

С 1759 г. ученики Артиллерийской и инженерной школы, по-видимому, носили кафтаны с лацканами. В смете на постройку всedневных мундиров, представленной на утверждение Шувалова, среди прочих материалов значилось черное сукно на «обшлага и воротники», однако последний велел делать их триповыми, «для которого [строения] по исчислению потребно, против сделанного образцового, на весь комплект артиллерийских и инженерных учеников, на сто на тридцать на пять человек, девяносто два аршина тринадцать вершков».⁷⁵ Не трудно рассчитать, что на каждый мундир выходило ровно 11 вершков трипа — это почти вдвое больше, чем отпускалось прежде.

Наряду с прочими предметами, в программу Инженерной школы входило изучение воинской экзерциции. Дисциплина эта для будущих инженеров была отнюдь не главная, поэтому переданные школе оружейные и амуничные вещи обновлялись редко и, как правило, продолжали службу до полного износа (кстати сказать, ни оружия, ни амуниции, ни денег на их приобретение в штате 1728 г. не значилось вовсе). В 1731 г. Инженерная школа получила с Оружейного двора 60 (по числу учеников) «малого калибра починенных» драгунских фузей со штыками. Несколько лет спустя, они, находясь, очевидно, не в лучшем виде уже при отпуске, стали совсем «ветхи», к тому же, как показал опыт, были «ко обучению Инженерной школы учеников экзерциции тяжелы» — некоторые «малолетные» ученики просто-напросто не могли поднять их. В 1740 г., по просьбе состоявшего при

школе поручика Демарина, Миних «представлял» Военной коллегии о передаче школе 75 «прежних малых» ружей, отобранных у лейб-гвардии Конного полка, однако сделано ничего так и не было. Лишь в 1746 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала изготовить ученикам Московской и Санкт-Петербургской школ 225 новых фузей со штыками «калибром и маниром во всём сходные против имеющихся в Кадетском корпусе». ⁷⁶ 150 таких ружей, сделанных мастерами тульских заводов, ученики Санкт-Петербургской школы получили в конце 1748 г. ⁷⁷ Тогда же к ружьям были подряжены новые ремни с медными пряжками и лядунки «с деревянными патронами (патронными колодками — Авт.), обшитые яловичною черною кожею». ⁷⁸

В августе 1759 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала сделать 135 ученикам Артиллерийской и инженерной школы «вместо ныне имеющихся... старых черных кожаных с деревянными патронницами подсумков... замшевые подсумки ж в надлежащую препорцию — против имеющихся у артиллерийских и минерных служителей, с патронными жестяными гнездами [и] вместо ремней с петлями». К подсумкам артиллерийских служителей, которые в том же 1759 г. ставил купец Терентьев, гнезда «деланы были из казенной жести, которой на одно подсумочное гнездо употребилось одинакой жести один и три четверти листа, за которую по покупной цене имеет быть денег двенадцать копеек с четвертью, да за работу по семи копеек с половиною». ⁷⁹

Холодного оружия инженерным ученикам по штату 1728 г., как уже было сказано выше, не полагалось и никаких упоминаний о нем в просмотренных нами документах нет (скорее всего, шпаги и портупей ученики приобретали самостоятельно). По-видимому, обеспечиваться табельным, — то есть обновляющимся в определенные сроки, — оружием и амуницией стала только Артиллерийская и инженерная школа. К январю 1761 г. для ее учеников на Сестрорецких заводах были сделаны тесаки «с медными чеканными эфесы, клинки с ножнами и местами к положению инструментов, с наконечниками верхними и нижними и крючками чеканными, с ножничками с медными черешками сто тридцать один, в том числе: большей руки — с циркулями и с футами — шестьдесят шесть, малой руки — с одними ножничками с медными черешками — шестьдесят пять, да к прежде сделанным четырем клинкам вылиты, отделаны и расчеканены четыре эфеса, в том числе большой руки два, малой руки два». ⁸⁰

Следующую страницу истории инженерного корпуса и его мундира открыло царствование Екатерины II.

РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.8. Дело о командовании и управлении инженерством, конторою, школою и крепостями инженер-генерал-майору де Кулону. 25 июля 1726 г.—13 марта 1727 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.35. Дело о именовании Инженерной конторы Главною или Генеральною фортификационною и о прочем. 3 сентября 1728 г.—3 июня 1729 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.52. О бытии генералу графу фон Миниху главным над артиллерию и фортификацию. 2 июня—25 сентября 1729 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.54. О сообщении Инженерной конторы с артиллерию и о именовании оных правлений канцелярию от Главной артиллерии и от фортификации. 16 августа 1729 г.—9 февраля 1730 г.

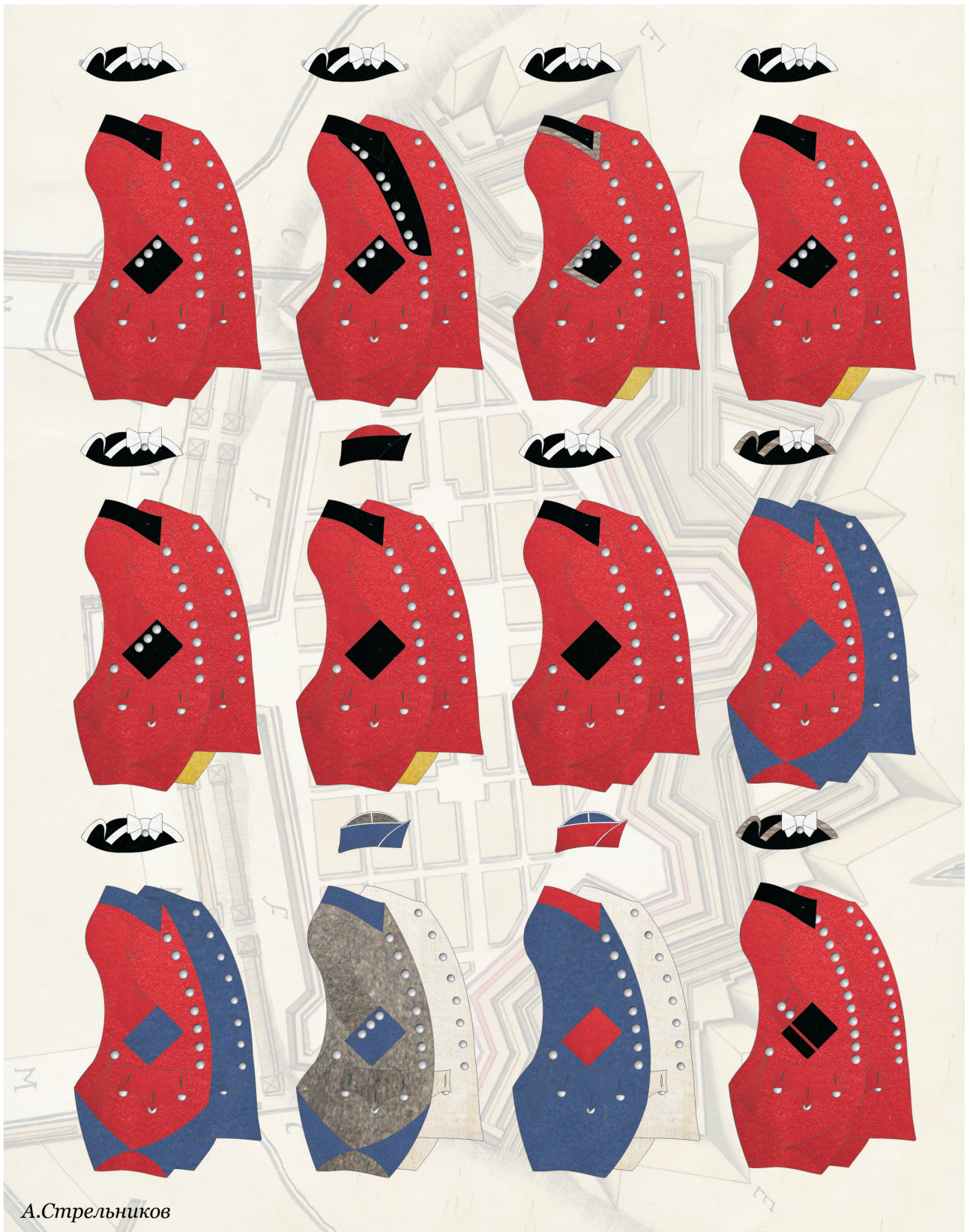
Обмундирование нижних чинов инженерного корпуса:

Верхний ряд: минеры 1730-е—1760 гг.; минеры 1760—1762 гг.; писари 1740-е гг.; цирюльники Инженерного полка 1740-е гг.

Средний ряд: мастеровые 1740-е гг.; мастеровые Санкт-Петербургской крепости 1740-е гг.; мастеровые 1750-е гг.; подмастерья и дернокладчики 1760 г. (проект?)

Нижний ряд: мастеровые 1760 г. (проект?); извозчики 1730-е—1745 гг.; извозчики 1745—1762 гг.; ученики инженерных школ 1730-е—1740-е гг.

Илл. Андрея Стрельникова

А.Стрельников

РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Описание артиллерийскому и инженерному мундиру и о выдаче на построение оных [денег] в счет жалованья. 25 января 1731 г.—19 октября 1732 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.21. О бытии Фортификационной конторе обще со артиллериею. 19 февраля 1742 г.—7 июня 1743 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.37. О учреждении в Москве Инженерной школы. 11 марта 1743 г.—19 февраля 1745 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.41. О имени инженерным офицерам у мундиров позыменту против полевых офицеров. 8 марта—22 августа 1743 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.218. О присылке от инженерных полковых дел о всех инженерных служителях именного списка, також и о присылке впредь оных по-месячно. 17 января 1750 г.—10 мая 1751 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.240. Об умершем инженерном капитане Цвингере, тут же об отдаче одного Цвингера пожитков наследникам его. 30 апреля 1750 г.—26 февраля 1753 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.248. О убавке Санкт-Петербургской инженерной школы из учеников из каждого класса по десяти вакансий и о прибавке кондукторских десяти вакансий. 11 июля 1750 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.276. О имени инженерного корпуса рисовальным и прочим мастерам, також и архитекторным гезелям надлежащего мундира. 22 февраля 1751 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.303. О требовании от Военной коллегии о прибавлении к содержащимся во инженерном корпусе сверх положенного по штату и по позволению числа инженерных офицеров: майора 1, капитанов и капитан-поручиков по 2, поручиков, подпоручиков и прапорщиков по 4; також и о подаче в Военную коллегию как о здешних, так и о московских инженерной школы учениках — сколько их содержать предполагалось и ныне полагается, и кто из каких чинов, и скольких лет, и о прочем, ведомости. 14 августа 1752 г.—14 мая 1753 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.394. Материалы инженерной команды при заграничной армии. 27 ноября 1756 г.—18 марта 1759 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.404. Дело о формировании Инженерного полка. 20 января 1757 г.—29 мая 1760 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.426. О имени инженерным офицерам и кондукторам мундиров с лацканами, и кондукторам вместо шпаг тесаков. 14—23 июля 1758 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.427. Дело о соединении Артиллерийской со Инженерною школою, тут же и о покупке во оную ко обучению разных книг и прочего пополам из артиллерийской и инженерной сумм, и о награждении рисовального мастера Петрулина поручичьим рангом. 24 августа 1758 г.—23 июля 1759 г.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.463. Штат положенный при фортификации разных художеств мастеровых. 1760 г.

Кроме того, в ходе работы над статьей были просмотрены все протоколы Канцелярии главной артиллерии и фортификации и Фортификационной конторы за 1728—1762 гг.

¹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.8. Л.1-1об.; Д.35. Л.3.

² РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.19. Л.1-3.

³ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.52. Л.1.

⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.21. Л.24об.-25, 30-35 и др.

⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.218. Л.14об.

⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.303. Л.3.

⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.303. Л.3об.-4.

⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.264. Л.17-18; Д.303. Л.5-6об.

⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.404. Л.34об.

¹⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.404. Л.34-79об.

¹¹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.248. Л.1-4об.; Д.284. Л.75.; Д.286. Л.135-138.

- 12 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.427. Л.1, 3-9.
- 13 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Л.14об.-15.
- 14 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Л.15.
- 15 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Л.2-2об.
- 16 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Л.23, 29-30 и др.
- 17 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Л.33.
- 18 РГВИА. В.826. Оп.1. Д.69. Л.31-31об.
- 19 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.123. Л.100-100об.
- 20 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.17. Л.76а.
- 21 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.41. Л.9-9об.
- 22 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.426. Л.2-3.
- 23 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.426. Л.8.
- 24 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.394. Л.357.
- 25 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.276. Л.1-1об.
- 26 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.240.
- 27 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.24. Л.47-47об.
- 28 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.145. Л.151-151об., Оп.2. Д.110. Л.95., Д.380. Л.237.
- 29 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.210. Л.99.
- 30 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.134. Л.51об.
- 31 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.103. Л.115.
- 32 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.134. Л.108-109.
- 33 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.316. Л.121., Д.319. Л.16-18 и др.
- 34 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.113. Л.262, 388; Оп.2. Д.134. Л.108-108; Д.380. Л.237; Д.382. №47;
Д.465. Л.16-17об.
- 35 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.335. Л.62-63.
- 36 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.145. Л.151-151об.; Оп.2. Д.110. Л.95.
- 37 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.17. Л.19; Д.110. Л.20.
- 38 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.447. Л.78-78об.
- 39 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.473. Л.141.
- 40 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.451. Л.206-211.
- 41 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.13. Л.43.
- 42 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.13. Л.43; Д.338. Л.10-10об; Д.362. Л.16.
- 43 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.380. Л.10-11об.
- 44 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.193. Л.138-139об;
- 45 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.336. Л.8.
- 46 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.433. Л.102-103; Д.435. Л.116-117, 126; Д.436. Л.78-78об; Д.465. Л.136.
- 47 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.267. Л.123; Д.380. Л.10-11об.
- 48 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.316. Л.75-75об.
- 49 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.102. Л.18.
- 50 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.267. Л.123.
- 51 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.218. Л.78.
- 52 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.129. Л.61-61об.
- 53 РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.129. Л.61-61об.
- 54 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.108. Л.84-84об.
- 55 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.270. Л.56-57об.
- 56 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.404. Л.80-80об.
- 57 РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.451. Л.206-211.

- ⁵⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.463. Л.1-3.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.463. Л.3об.-4об.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.103. Л.13-14.
- ⁶¹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.189. Л.155.
- ⁶² РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.465. Л.37-38.
- ⁶³ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.127. Л107-107об.
- ⁶⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.151. Л.125-125об.
- ⁶⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.433. Л.35-35об.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.194. Л.129.
- ⁶⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.465. Л.37-38.
- ⁶⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.175. Л.156-160.
- ⁶⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.175. Л.266-267об.
- ⁷⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д190. Л.119-120.
- ⁷¹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.190. Л.234.
- ⁷² РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.319. Л.74.
- ⁷³ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.112. Л.95-95об.
- ⁷⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.111. Л.15об.-17.
- ⁷⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.431. Л.65-66.
- ⁷⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.110. Л.132-133.
- ⁷⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.154. Л.8.
- ⁷⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.146. Л.91-91об.
- ⁷⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.434. Л.210-212.
- ⁸⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.464. Л.13-14об.